
Комнаты внутри нас
Комната детства
О том, что взрослеет вместе с нами
Шокун Алексей Владимирович

Шокун Алексей

Комната детства. О том, что взрослеет вместе с нами

https://litres.ru/74725867
SelfPub; 2026

Аннотация

Детство состоит не только из игр и праздников. Иногда его запоминают по ключу на верёвке, слишком высокому выключателю и тишине пустой квартиры. «Комната детства» — двенадцать историй о детях, которые слишком рано учатся ждать, не мешать взрослым и понимать больше, чем им объясняют. В комнате старого дома всё сделано не по росту: стол слишком высок, стул тяжёл, до окна не дотянуться. Смотритель садится на пол и ставит рядом фонарь, чтобы увидеть мир с детской высоты. Эта книга — не сборник советов родителям, а тихая проза о впечатлениях, которые продолжают жить в человеке после взросления.

На отдельных этапах подготовки издания применялись интеллектуальные цифровые инструменты.

Содержание

Об этой книге	4
Как читать	6
Пролог	7
Ключ на верёвке	8
Портфель	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Шокун Алексей Комната детства. О том, что взрослеет вместе с нами

Серия «Комнаты Внутри Нас»
Шокун Алексей Владимирович

Об этой книге

Это художественная проза. Истории в этой книге не заменяют помощь врача или психотерапевта, не описывают диагнозов, не дают назначений и не обещают, что после них что-то пройдёт.

Если вы узнали себя в одной из историй — это не диагноз. Узнавание не доказывает ничего, кроме того, что вы человек и с вами бывает то же, что с другими людьми.

Если сейчас с вами происходит что-то, с чем трудно оставаться одному, — это не тот случай, когда нужна книга. Позвоните тому, кто может помочь: врачу, психотерапевту, близкому человеку. Всё, о чём здесь написано, случилось давно и с детьми, и это то, с чем помощь работает лучше, чем книга.

Всё, что здесь есть, — двенадцать историй про детей. Ни один из них не станет другим человеком и не поймёт вовремя, что с ним происходит. Они вырастут, и то, что было в комнате, останется с ними. Меняется только то, что они об этом знают.

Как читать

Одну историю за вечер. Больше не надо: истории короткие, но они не для того, чтобы их проглатывали.

Порядок соблюдать не обязательно. Но если день был тяжёлый, не читайте подряд пятую, шестую и одиннадцатую — они самые тёмные. Между ними лучше сделать перерыв или перейти сразу к двенадцатой.

Истории не нужно понимать. В них нет скрытого смысла, который вы обязаны найти. Если после истории ничего не произошло — это нормальный результат: так бывает чаще всего.

Если история задела, закройте книгу. Не надо разбираться сегодня. Не надо ничего вспоминать специально — если вспомнится, оно вспомнится само, и уже не в книге.

Эту книгу можно читать вслух. Она так и написана — с расчётом на то, что её слышат.

И последнее. Эта книга не про то, как перестать быть ребёнком своих родителей. Она про комнату, в которой всё не по росту, и про фонарь, который поставили на пол.

Пролог

В этом доме есть комната, в которой всё не по росту.

Стол высокий, как трибуна. Стул тяжёлый, и его не сдвинуть. Шкаф до потолка, и верхние дверцы не открываются без лестницы.

Выключатель висит выше головы.

Подоконник высокий: если стоять на полу, видно только небо и верхушку дерева, а двор не виден.

На двери, на косяке, процарапаны черты, и рядом с каждой чертой число. Черты идут снизу вверх, и последняя выше всех.

На полу лежит ковёр, и на ковре узор: ромбы и полосы. По ковру можно ходить, и он не скрипит.

Смотритель входит и садится на пол.

Он садится не на стул и не на ковёр у стены, а посреди комнаты, и ставит фонарь рядом с собой, прямо на пол.

Свет идёт снизу.

От этого стол становится выше, а ножки у него длиннее, и под столом оказывается место, где можно сидеть.

Смотритель сидит на полу и ничего не делает.

Он не поправляет шторы и не открывает окно.

Он сидит так, чтобы всё в комнате было видно снизу.

В комнате ничего не изменилось. Но теперь у неё есть нижний край, и он близко.

Ключ на верёвке

Ключ висел у Павлика на шее, на верёвке, под рубашкой. Так было сделано, чтобы он не звенел. Верёвка была из тех, которыми подвязывают мешки, и она натирала шею, и он всё время поправлял её воротником.

Школа кончалась в час двадцать. Он шёл домой двенадцать минут, если не считать светофор.

Дома он открывал дверь, входил, закрывался на два оборота и вешал ключ на гвоздик в прихожей.

Потом он говорил в пустую квартиру:

— Я пришёл.

Он делал это каждый день и сам не замечал, что говорит. Ключ ему дали во втором классе, в сентябре. До этого его забирала бабушка, но бабушка зимой сломала шейку бедра и переехала к тёте в Митино, и забирать стало некому.

Бабушка встречала его у ворот и всегда приходила за десять минут до звонка. Она стояла не у самой школы, а у булочной, и оттуда было видно калитку.

Она говорила:

— Я не люблю стоять у школы. Там все мамы и все друг друга знают.

По дороге домой она покупала ему булку с маком и брала себе половину, потому что целую, говорила она, нельзя. У неё тоже был ключ, и она носила его в кармане пальто, от-

дельно от своих.

Она говорила:

— Твой ключ — это твой. Мой — это мой.

В январе она поскользнулась у подъезда, и её увезли на «скорой», и Павлик в тот день просидел у тёти Раи до девяти вечера.

Он потом слышал, как мама говорила по телефону:

— Она не встанет. Там шейка.

Бабушка потом звонила раз в неделю, и в трубке было слышно телевизор, и она спрашивала одно и то же: поел ли он. Он отвечал, что поел.

Она говорила:

— Ну и хорошо. Ну и хорошо.

Мама тогда долго объясняла ему про ключ: что его нельзя терять, что его нельзя показывать, что если потеряет, надо идти к ней на работу и никуда больше. Он не потерял ни разу. Ключ был один, на верёвке, и второй такой был только у мамы.

В первый день они прошли дорогу вместе, и мама показала, где светофор и где надо ждать, даже если машин нет.

Она сказала:

— Даже если нет машин.

Он сказал:

— Даже если нет.

Она сказала:

— Потому что есть дураки.

Он тогда не понял, при чём тут дураки, и не спросил. Дома она заставила его открыть дверь самому, и он открыл с третьего раза, потому что ключ входил туго.

Она сказала:

— Вот. Теперь ты.

Он потом весь вечер проверял, на месте ли ключ, и трогал его через рубашку. Он и потом трогал: каждые полчаса, не глядя, как трогают карман с проездным. Мама приходила в семь. Она работала в поликлинике, в регистратуре, и смена у неё была до шести, а потом автобус.

Отца у него не было. То есть он был, но ушёл, когда Павлику было три, и Павлик его не помнил.

На полке стояла одна фотография, где мужчина в клетчатой рубашке держит его на руках, и Павлик знал, что это отец, но узнать его в мужчине на улице не смог бы.

Правила были такие. Не открывать никому. Если звонят в дверь — не подходить или подойти и сказать: «Мама спит».

Если звонят по телефону — не говорить, что он один. Говорить: «Мама сейчас занята, перезвоните». Один раз позвонили из школы, из-за какой-то анкеты.

Он сказал:

— Мама сейчас занята, перезвоните.

Женщина на том конце спросила:

— А ты кто?

Он сказал:

— Сын.

— А мама где?

— Занята.

Он положил трубку и потом весь вечер думал, правильно ли ответил. В классе у него было два друга: Серёжа и Аня. Серёжа жил в соседнем доме, и его мама работала вместе с Павликовой мамой, только в другом кабинете.

После уроков они шли до светофора вместе и там расходились. Он один раз позвал Серёжу в гости, и Серёжа пришёл, и они играли в футбол на полу, в коридоре, между вешалкой и шкафом.

Мама в тот вечер вернулась в семь и сказала:

— Ты почему не сказал, что у тебя кто-то есть?

Он сказал:

— Я сказал.

Она сказала:

— Я не знала.

Она была не злая, а испуганная, и он это увидел и больше не звал. Он потом говорил Серёже, что у них ремонт.

Серёжа говорил:

— Какой ремонт?

Он говорил:

— Обычный. Стены.

Ремонта не было, и это была первая выдумка, которую он придумал сам. В феврале было родительское собрание. Мама отпросилась и пришла в половине седьмого, прямо с работы, в пальто, и села на последний ряд.

Нина Васильевна говорила про технику чтения и про то, что некоторые дети не готовятся к диктантам. Мама сидела и записывала в блокнот, и Павлик видел из коридора, как она пишет.

Потом все вышли, и женщины стояли в раздевалке и разговаривали про кружки и про то, кто куда едет летом.

Мама стояла в стороне и не разговаривала.

Она подошла к Нине Васильевне и спросила:

— А он как?

Нина Васильевна сказала:

— Хорошо. Тихий очень.

Мама сказала:

— Тихий — это хорошо?

Нина Васильевна помолчала и сказала:

— Это не плохо.

По дороге домой мама молчала, и Павлик шёл рядом и держал её за рукав.

Она сказала:

— Ты почему не говоришь на уроках?

Он сказал:

— Говорю.

Она сказала:

— Нина Васильевна говорит, что ты знаешь, но не поднимаешь руку.

Он подумал и сказал:

— Если поднять руку, все будут смотреть.

Она остановилась и посмотрела на него.

Она сказала:

— А ты не бойся.

Он сказал:

— Я не боюсь.

Он соврал, и она это поняла, и они пошли дальше. Он думал о ней весь день и потом решил, что это не выдумка, а правило. Не выходить на балкон.

Не включать газ, если не горит спичка с первого раза. Спички ему не давали. Вместо спичек была газовая зажигалка, длинная, и он поджигал ею конфорку, держа руку подальше.

Суп мама варила утром и оставляла в кастрюле. Он разогревал его и ел с хлебом. Он ставил кастрюлю на маленький огонь и стоял рядом, потому что отходить было нельзя.

Он мешал суп ложкой и смотрел, как поднимается пар. Он знал, сколько варится картошка: двадцать минут после закипания. Он знал, что если крышку не приоткрыть, то убежит.

Он знал, что кастрюлю надо брать за ручки полотенцем, а не за края. Он всё это знал во втором классе, и в классе об этом никто не знал.

В марте Нина Васильевна попросила остаться после уроков — делать стенгазету к Восьмому марта.

Осталось пятеро, и Павлик остался, потому что не знал, как отказаться. Они вырезали буквы из цветной бумаги, и он вырезал лучше всех, потому что у него был маленький нож

с отломанным кончиком.

В половине пятого все ушли, а он остался доклеивать последнюю букву, потому что она отваливалась.

Нина Васильевна сказала:

— Павлик, иди домой, завтра доклеим.

Он сказал:

— Я сейчас.

Он вышел из школы в пять, и на улице уже горели фонари. Он шёл и считал шаги, чтобы не думать, и на светофоре у него мелко затряслись руки.

Дома он открыл дверь, включил телевизор в коридоре и на кухне, сел на пол в прихожей, в куртке, и сидел так минут двадцать.

Потом он встал и разогрел суп. Мама в тот вечер пришла в семь, и он не сказал ей про фонари.

Он сказал только:

— Мы делали стенгазету.

Она сказала:

— Молодец. Ты хорошо рисуешь.

Он подумал, что если бы рассказал про фонари, она бы расстроилась, а стенгазета её обрадовала, и что это был хороший обмен. Девочки приносили на завтрак бутерброды в фольге, а у него были деньги на булочку, и он иногда их не тратил. Он складывал монеты в пенал, и к концу месяца набиралось рублей сорок.

Он не знал, зачем копит, и не тратил. Один раз он купил

маме на Восьмое марта крем в круглой банке, за тридцать два рубля.

Она посмотрела на банку и сказала:

— Откуда?

Он сказал:

— Накопил.

Она долго молчала и потом поставила банку на полку в ванной и не открывала её полгода. Хлеб он резал сам, наискосок, как резала мама, и мазал маслом, и сверху клал кусок сыра. Иногда он съедал два куска и потом говорил, что один.

Мама не проверяла. Телевизор он включал сразу, как только входил, и не смотрел его. Телевизор был нужен для звука.

Без него в квартире было слышно слишком много: холодильник, часы в комнате, лифт, соседскую собаку, воду в трубах. Часы в комнате были старые, с гирями, и тикали громко и неровно: тик-так, тик-так, потом пауза. Павлик к ним привык, но всё равно слышал.

Часы были с двумя гирями, и их надо было поднимать каждое воскресенье. Мама поднимала, а с третьего класса это стал делать он. Он тянул цепочку медленно, чтобы не дёрнуть, и гиря шла вверх с тяжёлым щелчком.

Он считал щелчки: тридцать два до конца. Однажды в апреле он забыл, и часы стали. Он пришёл из школы, включил телевизор и понял, что чего-то не хватает.

Он стоял и слушал и не мог понять чего, и только через

минуту догадался. Он поднял гири, толкнул маятник, и часы пошли, но время на них было чужое. Он не стал переводить, потому что боялся сбить.

Он дождался семи, когда пришла мама, и мама перевела. С тех пор он поднимал гири в субботу вечером, а не в воскресенье. Собака была у соседей снизу, и она начинала лаять, когда в подъезд кто-то входил.

По собаке он знал, что кто-то пришёл, за две минуты до лифта. Собаку звали Бим, и она была старая и лаяла не зло, а как будто отчитывалась. Тётя Валя с шестого заходила за солью, за спичками и за нитками, и всегда с пустой банкой в руке.

Она говорила:

— Павлик, мама когда?

Он говорил:

— В семь.

Она говорила:

— А ты один?

Он говорил:

— Мама спит.

Она смотрела на него и уходила, и он слышал, как она говорит на площадке кому-то:

— Ребёнок один целыми днями.

Он не понимал, почему это говорят так, как будто это плохо. Ему было не плохо. Ему было тихо.

Со звуком было лучше. Один раз телевизор сломался. Это

было в мае, и он пришёл из школы, включил и не услышал ничего: экран был серый и в полоску.

Он посидел перед ним, потом выключил и включил, и ничего не изменилось. Он тогда в первый раз за два года услышал квартиру целиком. Часы в комнате тикали громко и неровно: тик-так, тик-так, потом пауза.

Холодильник включался и выключался, и между этими звуками было слышно, как в стене идёт вода. Он просидел так до семи, ничего не делая, и не смог ни читать, ни есть. Он подумал, что тишина — это не когда ничего не слышно, а когда слышно всё сразу.

Вечером он рассказал маме, и она сказала:

— Потерпи, в субботу починят.

В субботу пришёл мастер и починил, и телевизор снова заговорил. Он с тех пор включал его в коридоре тоже, на кухне, чтобы звук шёл из двух мест. Он делал уроки за большим столом, на кухне, и ноги у него не доставали до пола.

Он качал ими и считал, сколько раз качнул, пока решил задачу. Одна задача занимала у него сорок качков, другая — восемь. Он не знал, от чего это зависит.

В пять он наливал себе чай и брал печенье, и это было самое длинное время: от пяти до семи. В пять часов в квартире становилось темнее, и он включал свет везде, в коридоре тоже. Один раз лифт остановился на его этаже в половине седьмого, и никто не вышел.

Павлик слышал, как открылись двери, как постояли и как

закрылись. Он сидел на кухне и не дышал.

Потом лифт поехал вниз.

Он потом думал, что это был кто-то, кто перепутал этаж, и что такое бывает каждый день. Он один раз не включил в коридоре и потом полчаса не мог выйти из кухни. Он сидел и смотрел в тёмный проём, и оттуда ничего не выходило.

В феврале в дверь позвонили. Он как раз наливал чай. Он поставил чашку и подошёл к двери на цыпочках, хотя его никто не мог услышать.

За дверью сказали:

— Павлик, это я, тётя Валя. Мама дома?

Тётя Валя была соседка с шестого, и она часто заходила за солью и за спичками. Павлик стоял и молчал. Он думал: если я открою, я нарушу правило. Если я не открою, я не нарушу правило.

Он не открыл. Он стоял и слушал, как она переступает с ноги на ногу.

Тётя Валя постояла, потом сказала:

— Ладно, — и ушла, и её шаги были слышны до лифта.

Павлик вернулся на кухню, но чай уже остыл, и он не стал его пить. Через два дня тётя Валя стала оставлять у двери. Первый раз это была банка с супом, накрытая тарелкой, и записка: «Павлик, это тебе, не холодное».

Он не взял. Он смотрел в глазок, пока она не ушла, и потом ещё минуту стоял.

Потом всё-таки открыл, взял банку и поставил в холодиль-

ник.

Маме он сказал:

— Тётя Валя принесла суп.

Мама сказала:

— А ты что?

Он сказал:

— Я взял.

Мама долго молчала и потом сказала:

— Ну и правильно.

Он потом понял, что она не знала, как это — когда кто-то приносит суп, и что ей было неловко. С тех пор тётя Валя приносила примерно раз в неделю, и всегда с запиской, и он всегда сначала не брал, а потом брал.

Однажды она принесла котлеты и написала: «Разогрей на маленьком огне, а то лопнут».

Он разогрел на маленьком. Он потом думал, что тётя Валя знала про маленький огонь, и что это было странно — знать такое про чужую кухню. Мама пришла в семь, и он рассказал ей про тётю Валю.

Мама сказала:

— Ну и правильно, что не открыл. Но это же была тётя Валя, ты же слышал.

— Ты сказала никому.

— Ну, — сказала мама. — Тёте Вале можно.

— А как я узнаю, что можно?

Мама посмотрела на него и не сразу нашла, что сказать.

Потом она сказала:

— Смотри в глазок.

Глазок был на высоте его глаз, если встать на цыпочки, и в нём было видно площадку, всю сразу, но кругло и криво. С тех пор он смотрел. Он подходил к двери, вставал на цыпочки и смотрел в глазок, и по тому, кто там стоял, решал.

Если тётя Валя — можно. Если кто-то в форме — нельзя, и надо тихо отойти. Если никого не видно — он всё равно не открывал, потому что если никого не видно, то это ещё хуже.

Про это правило он маме не рассказывал. Правил стало больше, и он сам их придумывал, и от этого ему было спокойнее. Один раз он всё-таки остался без ключа.

Это было в апреле: он утром переодевал рубашку и оставил верёвку на стуле. Он понял это на середине дороги и сначала не поверил. Он вернулся к школе, потом к дому, потом постоял у подъезда.

Он подумал, что мама на работе, что работа в двух автобусах и что до шести она не выйдет. Он подумал про тётю Валю, но тётя Валя была на смене. Он сел на скамейку у подъезда и просидел два часа.

Было холодно, и он подтянул колени и сидел на них. Мимо прошла женщина с собакой и спросила, не потерялся ли он.

Он сказал:

— Я жду маму.

Она сказала:

— А мама где?

Он сказал:

— На работе.

Она постояла и пошла. В шесть пришла соседка с третьего, тётя Рая, и пустила его в подъезд, и он сидел на подоконнике между вторым и третьим этажом. Стучать к тёте Рае он не стал: правило было «не открывать никому», а про то, можно ли заходить самому, правила не было.

Мама пришла в двадцать минут восьмого и увидела его на подоконнике. Она села рядом и заплакала.

Он сказал:

— Я не потерял.

Она сказала:

— Я знаю.

Она потом весь вечер не отпускала его от себя и дважды переспросила, не замёрз ли он. Он не замёрз. Он думал только о том, что она плакала из-за него и что это хуже, чем сидеть на подоконнике.

В марте мама ушла на ночное дежурство, и он остался один на всю ночь, в первый раз. Он не спал до двух и смотрел телевизор без звука.

Потом он всё-таки заснул на диване, и утром его разбудил звук ключа в замке.

Он вскочил и не сразу понял, что это мама. Он стоял в коридоре в трусах и смотрел, как она снимает пальто.

Она вошла, в пальто, с сумкой, и сказала:

— Ты чего?

Он сказал:

— Ничего.

Он не сказал, что испугался своего. Он подумал тогда, что если бы она пришла на десять минут раньше, было бы лучше, и что просить об этом нельзя. Он тогда первый раз подумал, что взрослые устают и что об этом нельзя говорить.

Он не знал, откуда это взялось, но знал. Он один раз попробовал сказать.

Он сказал:

— Мам, а ты можешь приходить в шесть?

Она сказала:

— Не могу.

Он сказал:

— А в полседьмого?

Она сказала:

— Павлик, у меня смена до шести.

Он сказал:

— А если попросить, чтобы до пяти?

Она посмотрела на него и сказала:

— Тогда нам не хватит.

Он сказал:

— Чего?

Она сказала:

— На всё.

Он больше не спрашивал. Он тогда не знал слова «кредит» и хорошо знал слово «не хватает». Он подумал, что ес-

ли есть один кусок хлеба вместо двух, то, может быть, хватит.

Он стал есть один и говорить, что не хочет. В октябре ему исполнилось десять. Мама оставила на столе пирог с капустой, купленный в кулинарии, и записку: «С днём рождения. Приду в семь».

Он съел кусок и убрал остальное в холодильник. Тётя Валя пришла в четыре, без банки, и принесла коробку конфет «Ромашка».

Она сказала:

— Ну, с днём рождения, мужчина.

Он сказал:

— Спасибо.

Она постояла в дверях и сказала:

— А гости будут?

Он сказал:

— Будут.

Гостей не было, и он потом весь вечер ждал, что кто-нибудь позвонит в дверь. Никто не позвонил. Он подумал, что врать тёте Вале было не нужно, но не знал, как сказать правду так, чтобы она не расстроилась.

Конфеты он ел по одной в день и растянул коробку до декабря.

Мама говорила:

— Ты чего не ешь?

Он говорил:

— Я не голодный.

Она говорила:

— Расти надо.

Он ел.

Вечером он взял лист бумаги и написал:

— Я пришёл, поел, уроки сделал.

Он положил лист на стол. Мама пришла, прочитала, и он слышал, как она стоит на кухне дольше обычного.

Она вышла и сказала:

— Спасибо.

Он сказал:

— За что?

— За записку.

Он стал писать каждый день. Сначала это было три слова, потом пять, потом он стал писать, что было в школе и что показывали по телевизору. Мама читала записку стоя, в пальто, и потом вешала его куртку в шкаф.

Мама внизу дописывала ответ — иногда одно слово, иногда два. «Молодец». «Не забудь про математику». «Я приду в семь».

Однажды она написала время: «19:05». Он потом смотрел на эти цифры долго. Записки он складывал в коробку из-под чая, и коробка стояла на полке, за учебниками.

К весне в коробке лежало сорок две записки. Он пересчитал их в марте и потом ещё раз в мае, и во второй раз их было столько же. Он подумал, что в коробке они мнутся, и переложил записки в конверт.

На конверте он написал «Мама», потом стёр, потому что мама могла увидеть, и написал одну букву «П». Он иногда перечитывал их. Он заметил, что мама никогда не писала «не забудь» больше одного раза в неделю и что почерк у неё к вечеру становится крупнее.

Он подумал, что это от усталости, и стал писать свои записки короче. Он иногда достаёт конверт из коробки, читает две или три записки и кладёт обратно, на то же место. Он их не выбрасывает.

Павлику сейчас тридцать четыре. Он живёт в другом городе, в квартире на четвёртом этаже, и верёвки на шее у него нет. Ключ у него в кармане, на кольце с брелком, вместе с ключом от машины.

Он всё равно трогает карман, когда выходит из дома, и не считает, сколько раз. Дома он первым делом включает радио, ещё в куртке, и только потом снимает обувь.

Жена говорит:

— Зачем ты его включаешь, если не слушаешь?

Он говорит:

— Я слушаю.

Она говорит:

— Ты не слушаешь.

Он говорит:

— Я слышу.

Однажды она выключила радио, потому что у неё болела голова, и он вышел на кухню и стоял там, пока не понял, что

стоит.

Он вернулся и сказал:

— Извини.

Она сказала:

— Да я не сержусь. У меня голова болит, вот и всё.

Он сел на табурет и дважды прочитал одну и ту же страницу в газете. Он подумал, что квартира не была тихой: холодильник, трубы, лифт — и что он слышал всё это сразу. Он подумал, что человек может дожить до тридцати четырёх и всё ещё не любить одну определённую тишину.

Коробка стоит на полке, за учебниками, и он знает, что она там.

Портфель

Портфель у Насти был розовый, с котёнком, и он был тяжёлый. Она училась во втором классе, в школе через двор, и ходила туда сама. Портфель ей купили в «Детском мире» в августе, перед первым классом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.